

Артур Конан Дойль. Его первая операция

Это было в первый день зимней сессии. Первокурсник с третьекурсником шли в клинику смотреть операцию. Колокола на Тронской церкви только что пробили двенадцать.

- Скажите, вы никогда не присутствовали на операции? - спросил третьекурсник.

- Никогда.

- В таком случае зайдемте сюда. Это знаменитый бар Резерфорда. Будьте любезны, стакан хереса для этого джентльмена. Кажется, вы весьма чувствительны?

- Боюсь, нервы у меня и в самом деле не очень крепкие.

- Гм! Еще один стакан хереса этому джентльмену. Видите ли, мы идем на операцию.

Новичок расправил плечи и сделал отчаянную попытку казаться безразличным.

- Операция пустяковая?

- Нет, довольно серьезная.

- Ам... ампутация?

- Нет, еще серьезней.

- Я... я вспомнил... меня ждут дома.

- Нет смысла уклоняться. Не сегодня, так завтра, а идти все равно придется. Чего тянуть? Ну как, повеселее немного стало?

- О, да. - Новичок улыбнулся, но улыбки не получилось.

- Тогда еще стакан хереса. И пойдем скорее, а то опоздаем и ближние ряды будут заняты.

- Спешить, по-моему, нет особой необходимости.

- Как это нет! Вон сколько народу идет на операцию. И почти все первокурсники. Их сразу отличишь, верно? Бледные, точно их самих будут оперировать.

- Неужели и я такой же бледный?

- Ничего, у меня самого был точно такой вид. Но неприятные ощущения

скоро проходят. Глядишь, у парня лицо белое как мел, а через неделю он уже уплетает завтрак в анатомичке. Какая сегодня будет операция, я скажу вам, когда придем в аудиторию.

Студенты валом валили вниз по улице, которая вела к клинике. У каждого в руке была стопка тетрадей. Тут были и бледные, перепуганные ребята, только что окончившие школу, и очерстевшие ветераны, бывшие сокурсники которых уже давно стали врачами. Они вырывались сплошным шумным потоком из ворот университета. Студенты были молоды и телосложением и походкой, но юных лиц встречалось мало. У одних был такой вид, будто они слишком мало ели, у других - будто слишком много пили. Высокие и малорослые, в твидовых куртках и черных костюмах, широкоплечие и худосочные, обладавшие отличным зрением и носившие очки, они с топотом, стуча тростями о мостовую, вливались в ворота клиники. Время от времени толпа раздавалась и пропускала громыхавшие по булыжнику экипажи хирургов, служивших в клинике.

- На операцию к Арчеру, видно, соберется много народу, - сдерживая возбуждение, прошептал старший студент. - Его операции - это зрелище, скажу я вам! Однажды он на моих глазах так расправился с аортой, что мне чуть дурно не стало. Нам сюда. Осторожно, стены побелены, не испачкайтесь.

Они прошли под аркой и оказались в длинном коридоре с каменным полом и тускло-коричневыми перенумерованными дверями по обеим сторонам. Некоторые из дверей были полуоткрыты, и новичок заглядывал в них с замиранием сердца. Но он видел только веселое пламя в каминах, ряды кроватей, застеленных белыми покрывалами, обилие цветных плакатов на стенах, и это немного приободрило его. Коридор выходил в приемный зал, вдоль стен которого на скамьях сидели бедно одетые люди. Молодой человек с парой ножниц, засунутых в петлицу наподобие цветка, и записной книжкой в руке обходил людей, о чем-то шептался с ними и делал пометки.

- Есть что-нибудь стоящее? - спросил третьекурсник.

- Приходили бы к нам вчера, - подняв голову, сказал фельдшер. -

Выдающийся был день. Подколенный аневризм, перелом Коллса, врожденная расщелина позвоночника, тропический абсцесс и слоновая болезнь. Ничего улов для одного захода?

- Жаль, что меня не было. Но все они еще не раз придут сюда, я надеюсь. А что с этим пожилым джентльменом?

В темном углу сидел скорчившийся рабочий и, раскачиваясь, стонал. Какая-то женщина, сидевшая рядом, пыталась утешить его, поглаживая по плечу рукой, испещренной странными маленькими белесыми волдырями.

- Это великолепный карбункул, - сказал фельдшер с видом знатока, показывающего свои орхидеи человеку, который способен оценить их красоту. - Он на спине, а у нас здесь сквозит, так что ему не следует раздеваться, верно, папаша? Пузырчатка, - добавил он небрежно, показывая на обезображенные руки женщины. - Не хотите ли задержаться у нас немного?

- Нет, спасибо. Мы торопимся на операцию Арчера. Пошли!

Молодые люди присоединились к толпе, спешившей на лекцию знаменитого хирурга.

Ярусы подковообразных скамей, поднимавшихся от пола до потолка, были уже заполнены, и вошедший новичок увидел перед собой, как в тумане, изогнутые дугой ряды лиц, услышал басовитое жужжание сотен голосов и смех, доносившиеся откуда-то сверху. Его товарищ высмотрел во втором ряду свободное место, и они оба втиснулись туда.

- Великолепно! - прошептал старший. - Отсюда вы увидите все.

Их отделял от операционного стола лишь один ряд голов. Стол был сосновый, некрашенный, крепко сколоченный и идеально чистый. Он был наполовину покрыт коричневой клеенкой, рядом на полу стояло большое жестяное корыто, наполненное опилками. Еще дальше у окна на другом столе лежали блестящие стальные инструменты - хирургические щипцы, иглы, пилы, держатели. Сбоку рядом были выложены ножи с длинными, тонкими, изящными лезвиями. Перед этим столом сидели, развалившись, два молодых человека - один вдевал нитки в иголки, а другой что-то делал с похожей на медный кофейник штукой, с шипеньем выпускавшей клубы пара.

- Видите высокого лысого человека в первом ряду? - прошептал старшекурсник. - Это Петерсон. Как вы знаете, он специалист по пересадке кожи. А это Энтони Браун, который прошлой зимой успешно удалил гортань. А вон Мэрфи, патолог, и Стодарт, глазник. Скоро вы их тоже всех будете

знать.

- А кто эти два человека, что сидят у стола с инструментами?

- Никто... помощники. Один ведает инструментами, другой - "пыхтелкой Билли". Это, как вы знаете, антисептический пульверизатор Листера. Арчер - сторонник карболовой кислоты. Хэйес - глава школы чистоты и холодной воды. И они смертельно ненавидят друг друга.

Теснившиеся на скамьях студенты оживились - две сестры ввели в аудиторию женщину в нижней юбке и корсаже. Голова ее была покрыта красным шерстяным платком, спускавшимся на плечи. Лицо, выглядывающее из-под платка, было молодое, но изможденное и специфического воскового оттенка. Голова ее была опущена, и одна из сестер, поддерживая женщину за талию и склонившись к уху, шепотом успокаивала ее. Проходя мимо стола с инструментами, женщина украдкой взглянула на них, но сестры повернули ее к столу спиной:

- Какая у нее болезнь? - спросил новичок.

- Рак околоушной железы. Чертовски трудный случай; опухоль разрослась как раз позади сонных артерий. Вряд ли кто, кроме Арчера, осмелился бы взяться за такую операцию. А вот и он сам!

При этих словах в комнату шагнул невысокий, подвижный, седовласый человек, потиравший на ходу руки. Он был похож на флотского офицера - чисто выбритое лицо, большие светлые глаза, прямой, тонкогубый рот. Следом, сверкая пенсне, вошел его рослый помощник-хирург, живший при клинике, которого сопровождала процессия сестер, разошедшихся группками по углам аудитории.

- Джентльмены, - выкрикнул хирург, - голос у него был уверенный и энергичный, как и вся манера держаться, - перед нами интересный случай опухоли околоушной железы, сначала хрящевой, но теперь принявшей злокачественный характер, а следовательно, требующей удаления. На стол, сестра! Благодарю вас! Хлороформ! Спасибо! Можете снять платок, сестра.

Женщина опустилась на клеенчатую подушку, и взорам студентов предстала ее губительная опухоль. Сама по себе она не имела отталкивающего вида: желтовато-белая, с сеткой голубых вен, она слегка изгибалась от челюсти к

груди. Но изможденное желтое лицо и жилистая шея ужасающе контрастировали с этим чудовищным, пухлым и лоснящимся наростом. Хирург обхватил опухоль рукой и стал легонько нажимать на нее то справа, то слева.

- Плотно приросла к одному месту, джентльмены! - выкрикнул он. - Новообразование захватило сонные артерии и шейные вены и проходит позади челюсти, куда нам, вероятно, придется проникнуть. Невозможно предсказать, как глубоко может завести вскрытие. Карболку. Спасибо! Карболовые повязки, пожалуйста! Давайте хлороформ, мистер Джонсон. Приготовьте маленькую пилу на случай, если придется удалить челюсть.

Больная тихо стонала под полотенцем, которым ей закрыли лицо. Она попыталась поднять руки и согнуть ноги в коленях, но две сестры удержали ее. Душный воздух пропитался едкими запахами карболки и хлороформа. Из-под полотенца донесся глухой вскрик, а затем песенка, которую женщина затянула тоненьким голоском:

Сказал мне милый мой,
Убежим со мной,
Мороженое продавать,
Мороженое...

Потом слышалось сонное бормотанье, и наступила тишина. Хирург, по-прежнему потирая руки, подошел к скамьям и обратился к пожилому человеку, сидевшему перед новичком:

- Очень мало шансов у нынешнего правительства.
- Будет достаточно десяти голосов.
- Скоро оно и этого большинства лишится. Уж лучше пусть само подаст в отставку, чем его вынудят.
- Я боролся бы до конца.
- Что толку? Законопроект не пройдет через комитет, даже если пройдет большинством голосов в палате. Я видел...
- Пациентка к операции готова, сэр, - сказала сестра.
- Я видел Макдональда. Поговорим потом.

Он вернулся к больной, которая, раскрыв рот, тяжело дышала.

- Я намереваюсь, - сказал он, проводя рукой по опухоли и как бы даже лаская ее, - сделать один разрез над верхней границей опухоли, а второй - под нижней; оба разреза будут сделаны под прямым углом и дойдут, так сказать, до дна опухоли. Будьте любезны, средний скальпель, мистер Джонсон.

Новичок, сидевший с широко раскрытыми от ужаса глазами, увидел, как хирург взял длинный сверкающий нож, макнул его в жестяной тазик и перехватил пальцами за середину, как, наверное, художник берет кисть. Затем он увидел, как хирург оттянул левой рукой кожу на опухоли. Но тут его нервы, которые за день не раз подвергались испытаниям, окончательно сдали. Голова закружилась, и он почувствовал, что вот-вот потеряет сознание. Он решил не смотреть на больную. Заткнул уши большими пальцами, чтобы не слышать крика, и усталился в деревянную полочку, приделанную к спинке передней скамьи. Он знал, что достаточно одного взгляда, одного вскрика - и он лишится остатков самообладания. Он попытался думать о крикете, о зеленых полях и воде, подернутой рябью, о сестрах, оставшихся дома... о чем угодно, только не о том, что происходило в двух шагах.

И все же какие-то звуки долетели до него, и он невольно возвращался мыслями к страшной опухоли. Он слышал, а может, ему казалось, что он слышит, протяжное шипенье карболового аппарата. Затем ему почудилось движение среди сестер. В уши врывались стоны, потом какой-то другой звук, как будто что-то текло. Воображение рисовало каждую фазу операции - одну картину кошмарней другой. Нервы его напрягались до крайности, он весь дрожал. С каждой минутой голова кружилась сильнее, стало болеть сердце. Вдруг он со стоном качнулся вперед, сильно ударился лбом об узкую деревянную полочку и потерял сознание.

Когда он пришел в себя, аудитория была уже пуста, а он лежал на скамье с расстегнутым воротом. Третьекурсник водил мокрой губкой по его лицу, и на это зрелище глазели два ухмыляющихся студента, помогавших при операции.

- Ладно, - сказал новичок, садясь и протирая глаза. - Простите, что свалил дурака.

- Это я виноват... - сказал его товарищ. - Но из-за чего, черт побери,

вы хлопнулись в обморок?

- Не выдержал. Операция доконала.

- Какая операция?

- Ну, та самая... рак.

Наступила тишина, потом все три студента расхохотались.

- Вот чудак! - воскликнул третьекурсник. - Ведь никакой операции не было! Врачи нашли, что больная плохо переносит хлороформ, и операцию отменили. Вместо того Арчер прочитал нам одну из своих блестящих лекций. И вы хлопнулись в обморок, как раз когда он рассказывал свой любимый анекдот.